

Каким путем тексты надписей попали в поздние летописные своды? Можно допустить, что составители этих сводов ходили по церквям и монастырям, списывали наиболее интересные надписи исторического содержания со стен, крестов, икон и т. п. и затем включали их в свои летописи. в одних случаях для дополнения сведений летописных источников, в других — в качестве самостоятельных известий. Более полное исследование этого вопроса даст, вероятно, материал, для того чтобы обоснованно принять или отвергнуть такое предположение. Следует, однако, учитывать, что эпиграфические тексты могли проникнуть в летописи иными путями. Списки с надписей встречаются в рукописях XVII—XVIII вв. и не в составе летописей. Так, в сборнике XVII в. БАН, Д. 257 (лл. 100 об.—108) читается пространный отрывок богословского содержания, списанный, как это видно из его заглавия, с иконы в новгородской церкви Похвалы. В сборнике ГПБ, Соловецкого собр., № 989/879 (лл. 105—112) почерком XVIII в. приведены надписи с нескольких крестов и колоколов Соловецкого монастыря и текст записи в евангелии (о его переписке в 1551 г.). В некоторых случаях текст надписей оказывается рядом с записями «инвентаризационного» характера: в рукописи XVIII в. ГПБ, Q.XVII.9 (л. 167—167 об.) тщательно переписаны тексты, вырезанные на царском месте Успенского собора в Кремле (с точным указанием местонахождения каждой надписи),¹⁰⁹ после чего сразу же помещены результаты обмера этого собора (л. 167—167 об.). В сборнике XVIII в. ГПБ, F. IV. 234 (л. 232 об.) приведены тексты надписей, находившихся на Спасских воротах московского Кремля (о построении кремлевских стен в 1493 г. и об устройстве стрельницы в 1491 г.), после чего, на этой же странице, помещена опись церковной утвари, хранящейся в ризнице Успенского собора. Таким образом, видим, что в одних случаях копировались надписи неисторического содержания, а в других случаях окружение копий позволяет полагать, что снятие их преследовало деловые, а не историографические цели. Можно думать, что с надписи снимался на бумагу «список» перед тем как здание или предмет, на котором она была нанесена, подвергались ремонту или обновлению, с тем чтобы затем можно было возобновить и надпись (несомненно, что такие возобновления древних надписей практиковались; см. стр. 265, прим. 86).¹¹⁰ Такое предположение позволяет легко объяснить и наличие копии с надписей богословского содержания, и соседство подобных копий с результатами обмера храма и описью ризницы. Однако весьма возможно, что переписка надписей преследовала и чисто «инвентаризационные» цели. В пользу этого говорит существование копий надписей с колоколов, в частности упоминаемые Макарием «росписи колоколам с надписями, взятым 1618 года с государева Пушечного двора в Вя-

Спасу и преподобному Варлааму чудотворцу на Футьню, при благоверном государе царе и великом князе Борисе Федоровиче всея Руси самодержце и при святейшем патриарсе Иеве Московском и всея Руси, и при преосвященном митрополите Варламе Великого Новаграда и Великих Лук. Дал ко всемилостивому Спасу и к преподобному Варлааму чудотворцу на Футьню Тимофей Андреевич Хлопов, во иноцех Тихон, по себе да по своей семье Варсанофий и по своих родителей денег двести рублей, да его дети Павел да Мирон дали денег двести рублей; и на ту их всю дачу, на четыреста рублей, слит колокол в двести пудов, при игумени Аркади и при келари старце Варламе, и при казначей священники Варлааме, и при всея же о Христе и братии Футьны монастыря. Дела колокол пскович Василю Иванов, да Офонас Панкратьев, да Иаким Иванов. Богу свершителю, аминь» (этот текст также предоставлен мне Н. Г. Порфиридовым; неточную публикацию см. в работе: Макарий. Археологическое описание. . . , ч. II, стр. 283—284).

¹⁰⁹ Копии этих надписей см. также в сборнике XVIII в.: ЛОИИ, собр. Воронцовых, № 649, лл. 450—452.

¹¹⁰ Об обновлении настенной надписи см. также: Макарий. Археологическое описание. . . , ч. I, стр. 441, прим. 100.